

Всегда подозревал, что у Анны Ахматовой есть стихотворение, посвящённое Михаилу Булгакову. Но не находил его ни в двухтомнике издательства «Правда» за 1990 год, ни в других более поздних изданиях. Во времена «горбачёвской перестройки» запреты на произведения Михаила Булгакова уже были сняты. Издательства с каким-то надрывом, но всё же печатали воспоминания его современников. В том же двухтомнике Ахматовой есть стихи «Памяти Сергея Есенина», «Памяти друга», «Памяти Вали», «Памяти Анты», «Памяти В. С. Срезневской», «Памяти 19 июля 1914 года»... А о Булгакове ни слова. ...

Ну, не могла поэтесса не оставить ни строчки о человеке, с которым дружила много лет, до самой его смерти. Более того, мне было известно, что Анна Андреевна была у него незадолго до кончины. Когда конкретно, не выяснил. В дневнике Елены Сергеевны почему-то нет записи об этом посещении больного Михаила Булгакова...

Первая известная запись о посещении Булгаковых Анной Ахматовой относится к 1933 году. В дневнике за 10 октября Елена Сергеевна записала: «Вечером у нас: Ахматова, Вересаев, Оля с Калужским, Патя Попов с Анной Ильиничной. Чтение романа. Ахматова весь вечер молчала».

Рассказывают, что Ахматовой было известно скептическое отношение Булгакова к поэтам, поэтому Анна Андреевна не рисковала в его присутствии читать свои стихи. Возможно, поэтому

в дневнике Елены Сергеевны нет записей о том, чтобы Ахматова читала стихи в квартире Мастера. На публике – да, читала. Их знакомство произошло в Ленинграде на литературно-художественном вечере, который проходил в Большом зале филармонии 10 мая 1926 года. На афише литературно-художественного вечера имена его участников даны в алфавитном порядке: Ахматова, Булгаков, Замятин, Зощенко... только к Булгакову добавлено «прибывший из Москвы» и «автор сборника «Дьяволиада» и романа «Белая Гвардия»» (видимо, он ещё был не так известен, как другие). Встречался Михаил Булгаков с Анной Ахматовой и позднее 1926 года, когда ездил в Ленинград в конце 1920-х – начале 30-х годов. Но их встречи зафиксированы только с 1933 года, когда Елена Сергеевна Булгакова начала вести свой, ставший впоследствии знаменитым, дневник. А в тот вечер 10 октября 1933 года Ахматова слушала главы из романа «Мастер и Маргарита». «Ахматова весь вечер молчала», – запишет Елена Сергеевна.

Другая запись сделана Еленой Сергеевной позднее – 1 июня 1934 года: «Была у нас Ахматова. Приехала хлопотать за Осипа Мандельштама – он в ссылке». Ахматова и Нина Ольшевская пошли собирать деньги на отъезд Мандельштамов в ссылку. Из дневника Ахматовой: «Давали много. Елена Сергеевна Булгакова заплакала и сунула мне в руку всё содержимое своей сумочки».

В том же 1934 году ещё одна запись за 17 ноября: «Вечером приехала Анна Ахматова. Её привёз Пильняк из Ленинграда. Рассказывала о горькой участи Мандельштама, говорили о Пастернаке». Поводом для обсуждения послужил разговор Сталина с Пастернаком. Он широко обсуждался в кругах интеллигенции Юрий Слёзкин, писатель и давнишний друг Михаила Булгакова (вместе работали в подотделе искусств во Владикавказе в 1920 году) в дневнике записал:

«...Как мало мужества и ума у многих “прославленных” писателей, от которых ждут, прежде всего, правды.

После ареста Мандельштама Пастернаку (его другу) позволил И.В. Сталин и спросил, что может сказать Пастернак о поэте Мандельштаме. Пастернак до того растерялся, что мог только ответить:

– У меня телефон в коридоре, а потому я не могу говорить обо всём, Мандельштама знаю мало.

На это ему ответили:

– Я бы своего товарища защищал лучше».

Примечательно, что эту запись Юрий Слёзкин сделал после положительной характеристики, данной им Михаилу Булгакову. Литературоведы не раз задавались вопросом, не потому ли Анна Ахматова так высоко ценила не только талант, но и человеческие качества Булгакова, оставаясь в то же время прохладной в отношениях с Пастернаком?

Анна Ахматова навсегда сохранила в своём сердце великую благодарность Булгакову. В 1935 году арестовали её сына Льва и мужа Н.Н. Пунина. Анна Андреевна обратилась к Булгакову за помощью. Вместе они подготовили письмо к Сталину. Вскоре муж и сын Ахматовой были освобождены. В дневнике Елены Сергеевны несколько записей об этом ужасном событии из жизни Ахматовой.

7 апреля: «Обедала у нас Ахматова, приехала хлопотать за какую-то высланную из Ленинграда знакомую».

13 апреля: «М. А. днём ходил к Ахматовой, которая остановилась у Мандельштамов».

30 октября: «Приехала Ахматова. Ужасное лицо. У неё – в одну ночь – арестовали сына (Гумилёва) и мужа – Н.Н. Пунина. Приехала подавать письмо Иос. Вис.... В явном расстройстве, борючись что-то про себя».

31 октября: «Отвезли с Анной Андреевной и сдали письмо Сталину. Вечером она поехала к Пильняку».

К 30 октября 1935 года. Запись 31 октября. В первой редакции: «Анна Андреевна переписала от руки письмо И.В.С....» Это по совету Булгакова, что, видимо, и сработало...

4 ноября: «Ахматова получила телеграмму от Пунина и Гумилёва – их освободили».

Потом об Ахматовой в дневнике Елены Сергеевны пробелы. Может быть, берегла её имя. После 1935 года в дневнике Елены Сергеевны всё же есть одна запись, сделанная ею в 1940 году: «... Анна Ахматова. Прочитала то, что написала для него. Взяла фотографию. Сказала: Замятин умер ровно за три года, 10 марта 1937 года».

«...для него» – значит, для Булгакова.

Софья Пилявская в своей книге «По долгу памяти» вспоминает войну, эвакуацию, Ташкент: «Как-то сидели мы с Люсей на кухне за инкрустированным столом и вспоминали прошедшее. Елена Сергеевна рассказала, как вскоре после смерти Михаила Афанасьевича поздно вечером пришла к ней Анна Андреевна и прочитала стихи, написанные на смерть Булгакова. Ахматова не разреши-

ла их записать, а просила Люсю запомнить. Та, плача от волнения, никак не выучивала, а Анна Андреевна терпеливо повторяла строку за строкой, и Елена Сергеевна, наконец, запомнила. Теперь эти строки опубликованы: «Вот это я тебе, взамен могильных роз...».

Памяти М. Булгакова

Вот это я тебе, взамен могильных роз,
Взамен кафельного куренья;
Ты так сурово жил и до конца донёс
Великолепное презренье.

Ты пил вино, ты как никто шутил
И в душных стенах задыхался,
И гостью страшную ты сам к себе впустил
И с ней наедине остался.

И нет тебя, и всё вокруг молчит
О скорбной и высокой жизни,
Лишь голос мой, как флейта, прозвучит
И на твоей безмолвной тризне.

О, кто подумать мог, что полоумной мне,
Мне, плакальщице дней не бывших,
Мне, тлеющей на медленном огне,
Всех пережившей, всё забывшей,

Придётся поминать того, кто, полный сил,
И светлых замыслов, и воли,
Как будто бы вчера со мною говорил,
Скрывая дрожь смертельной боли.

Март 1940, Фонтанный Дом.

Елена Сергеевна спросила: «Можно я перепишу эти стихи?»
«Ты что, я и бумаге-то боюсь доверить!» – ответила Ахматова.

Через 26 лет сырым мартовским днём 1966 года Ахматова умерла и не увидела этого стихотворения опубликованным. Его сохранила для литературы Елена Сергеевна Булгакова. Впервые оно было опубликовано в сборнике «День поэзии», изданном в Ленинграде в 1966 году. И не осталось незамеченным. В стихотворении, написанном в память о Булгакове, исследователи увидели загадку, которую оставила нам Ахматова. И не одну. Над их загадками бьётся не одно поколение исследователей.

Первая заключается в следующем: почему Ахматова в стихотворении говорит: «...и гостью страшную ты сам к себе впустил и с ней наедине остался...»? Что означают эти строки? Возможно, Ахматовой был известен первый абзац последней главы «Мастера и Маргариты», где прямо сказано: «Боги, боги мои! Как грустна вечерняя земля! Как таинственны туманы над болотами. Кто блуждал в этих туманах, кто много страдал перед смертью, кто летел над этой землёй, неся на себе непосильный груз, тот это знает. Это знает уставший. И он без сожаления покидает туманы земли, её болотца и реки, он отдаётся с лёгким сердцем в руки смерти, зная, что только она одна [успокоит его]».

Возможно, эти булгаковские строки «...он отдаётся с лёгким сердцем в руки смерти...» породили ахматовскую «гостью страшную». В двухтомнике произведений А. Ахматовой последняя строка стихотворения заканчивается словами: «Скрывая дрожь смертельной боли». В комментариях к этому стихотворению указано, что в авторизованном списке рукой Е.С. Булгаковой (собрание В.Я. Виленикиной) последняя строка записана иначе: «предсмертной боли». Объяснение этому расхождению простое: Елена Булгакова учила на слух, и одно слово, столь близкое и по значению, и по звучанию, заменила другим.

Тремя годами позже кончины Михаила Булгакова Елена Булгакова и Анна Ахматова встретились в Ташкенте в эвакуации. Они жили в одном доме, и, когда Елена Сергеевна в 1943 году уехала в Москву, Анна Ахматова перешла жить в её комнату и посвятила ей стихотворение «Хозяйка» (5 августа 1943, Ташкент).

Е. С. Булгаковой

В этой горнице колдунья // До меня жила одна:
Тень её ещё видна // Накануне новолунья,
Тень её ещё стоит // У высокого порога,
И уклончиво и строго // На меня она глядит.
Я сама не из таких, // Кто чужим подвластен чарам,
Я сама... Но, впрочем, даром // Тайн не выдаю своих.

Ахматову и Булгакова духовно роднила любовь к Пушкину. В широко известном и часто цитируемом письме своему другу и биографу Павлу Попову 24 апреля 1932 года Булгаков писал: «С детства я терпеть не мог стихов (не о Пушкине говорю, Пушкин не стихи!)». Для него это были не стихи, а высокая поэзия. А под стихами он подразумевал те «взвейтесь, да развейтесь», на которые ссылается Иван Бездомный в психушке, да и о собственных

говорит: «Чудовищны!». Этой тогдашней официальной советской поэзии посвящена сцена у памятника Пушкину. И не случайно именно у этого памятника! Анна Ахматова посвятила творчеству Пушкина свои фундаментальные работы, среди которых и погружение в тайнопись отдельных глав «Евгения Онегина». Поэтому совершенно естественно звучат такие её строки:

И было сердцу ничего не надо,
Когда пила я этот жгучий зной...
«Онегина» воздушная громада,
Как облако, стояла надо мной.
(14 апреля 1962, Ленинград)

И для Булгакова «Онегин» был такой же громадой, откуда он почерпнул свои знаменитые высказывания и образы. Читаю в седьмой главе «Евгения Онегина» у Пушкина:

Но там, где Мельпомены бурной
Протяжный раздаётся вой,
Где машет мантией мишурной
Она пред хладною толпой,
Где Талия тихонько дремлет
И плескам дружеским не внимлет,
Где Терпсихоре лишь одной
Дивится зритель молодой...

А теперь – у Булгакова. «ТАЙНОМУ ДРУГУ»:

«Дионисовы мастера. Алтарь Диониса. Сцена.

“Трагедия машет мантией мишурной”...» Сентябрь 1929.

В «Кабале святош» Мольер начинает свой спектакль словами: «Муза, муза моя, о лукавая Талия!». Тот же 1929 год. Эти же слова повторены им в посвящении Елене Сергеевне на титуле «Белой гвардии», изданной в Париже (1931 год).

Исследователи часто называют «Мастера и Маргариту» закатым романом Булгакова, основываясь на его словах из письма Елене Сергеевне в Лебедянь от 15 июня 1938 года: «Эх, Кука, тебе издали не видно, что с твоим мужем сделал после страшной литературной жизни последний закаты роман. Целую крепко! Твой М.».

А ведь это опять «Евгений Онегин» (третья глава):

Друзья мои, что ж толку в этом?
Быть может, волею небес,
Я перестану быть поэтом,

В меня вселится новый бес,
И, Фебовы презрев угрозы,
Унижусь до смиренной прозы;
Тогда роман на старый лад
Займет весёлый мой закат.

Листаю томик Пушкина и на память приходит «Мастер и Маргарита».

«Мальчику» (из Катуллы)

*Minister vetuli, puer**²

Пьяной горечью Фалерна
Чашу мне наполни, мальчик!
Так Постумия велела,
Председательница оргий.

А ведь это первая строка стихотворения римского поэта Катуллы (ок. 87 – ок. 54 до н. э.), перевод которого и представляет данное стихотворение. Далее:

Царь увидел пред собою
Столик с шахматной доскою.
Вот на шахматную доску
Рать солдатиков из воску
Он расставил в стройный ряд.
Грозно куколки стоят,
Подбоченясь на лошадках,
В коленкоровых перчатках,
В оперённых шишачках,
С палашами на плечах.
Тут лохань перед собою
Приказал налить водою;
Плавать он пустил по ней
Тьму прекрасных кораблей,
Барок, каторог и шлюпок
Из ореховых скорлупок... 1833

Так это же шахматы Воланда, скажет читатель! И будет абсолютно прав! У Булгакова: «Совершенно расстроенный король в белой мантии топтался на клетке, в отчаянии вздымая руки. Три белых пешки – ландскнехты с алебардами растерянно глядели на офицера, размахивающего шпагой и указывающего вперёд, где в смежных клетках, белой и чёрной, виднелись чёрные всад-

² *Minister vetuli, puer* – Старого фалернского, мальчик. (лат.)

ники Воланда на двух горячих, ржущих копытами клетки, конях. Маргариту чрезвычайно заинтересовало и поразило то, что шахматные фигурки были живые». А всё стихотворение Пушкина «Гусар» («Скребницей чистил он коня...») – это прямо-таки полёт Маргариты!

В стихотворении «Твой и мой» нахожу почти точное имя его героини:

Бог весть за что философы, пииты
На *твой* и *мой* давным – давно сердиты.
Не спорю я с учёною толпой,
Но, милый друг, и верить им не смею.
Что, ежели б ты не была моею?
Что, ежели б я не был, Ниса, твой?

Ниса – Низа, это как с другими героями – не Кайафа, а Каифа, не Иисус, а Иешуа, не Иуда Искарриот, а Иуда из Кириафа...

И всё это на протяжении каких-то двух – трёх десятков страниц...

Ничего удивительного во всём этом нет – из озарений пушкинского гения произросли многие замечательные произведения – «Ревизор» и «Мёртвые души» Гоголя, «Герой нашего времени» Лермонтова» (Онегин – Печорин); большие писатели всегда пользуются культурным наследием предшествующих времён. Ахматова, рассматривая «тёмные места» в «Евгении Онегине», показывает, как творчество Пушкина вбирает в себя поэтическое богатство мастеров былых времен – от Байрона до Овидия...

Рецензенты нередко ставят авторам, пишущим о творчестве Булгакова, в вину то, что над ними нависает тень Булгакова. Движимый любопытством – в чём же заключается это нависание, я вплотную занялся творчеством Михаила Булгакова. И занятие это целиком меня поглотило – оторваться от Булгакова я уже был не в силах. И обнаружил, что и над самим Булгаковым нависают тени – Пушкина, Достоевского, Гоголя, Гёте, Гофмана, да и всей предшествующей литературы. Такой вот исторический феномен. Результатом моих исследований стала книга «Михаил Булгаков на Кавказе. Необыкновенные приключения доктора и писателя. 1919–1921», статьи для журналов. И написана она тоже под влиянием Булгакова.

После смерти Михаила Афанасьевича дружба Анны Андреевны и Елены Сергеевны будет продолжаться до конца дней Ахматовой (Елена Сергеевна переживёт её только на четыре года. – Н.Б.).

Однажды увидел редкий снимок: Анна Ахматова на съезде писателей России, проходившем в Кремле. Ещё совсем недавно это было совершенно невозможно – Ахматова в президиуме! Да ещё на самом почётном месте, но... одна! Думаю, что она специально так села, чтобы подчеркнуть свою отстранённость от «главных писателей», наделённых правом взирать на зал с высоты «олимпа». Но ещё не успели приморозить «хрущёвскую оттепель», и цензурная плотина нет – нет да прорывалась в отдельных местах. Через эти прорывы и удалось пробиться к читателям некоторым булгаковским произведениям. Жить Ахматовой оставалось менее года, и до последних дней Анна Андреевна была верна дружбе, связывавшей её несколько десятилетий с семьёй Булгакова. Она понимала, что Булгаков – писатель великий. Будучи в эвакуации в Ташкенте, она читала его произведения – рукописи их Елена Сергеевна, не расстававшаяся с архивом, привезла туда – и поддерживала в ней уверенность, что всё это обязательно будет опубликовано. Однажды, читая там вслух Фаине Раневской «Мастера и Маргариту», она вдруг прервалась и с чувством произнесла: «Фаина, он гений, он гений!».

Писательница Наталия Ильина в своих воспоминаниях пишет: «Это уже февраль был (1966 года). Я приехала в больницу вместе с Еленой Сергеевной Булгаковой. Ахматова очень любила М.А. Булгакова... и сохранила нежную привязанность к его вдове...».

В начале шестидесятых годов Анна Ахматова по приглашению Европейского сообщества писателей побывала в Италии, где ей вручили литературную премию «Этна-Таормина». Об этом событии рассказал в своей статье «Эвтерпа с берегов Невы или чествование Анны Ахматовой в Таормино» немецкий публицист Ганс Вернер Рихтер. Вот фрагмент этой статьи.

«...Здесь сидела сама Россия – среди сицилийско-доминиканского монастырского сада. Россия восседала в белом лакированном садовом кресле, на фоне мощных колонн монастырской галереи. Великая княгиня поэзии (придворная дама на почтительном от неё расстоянии) давала аудиенцию поэтам в собственном дворце. Перед нею стояли поэты всех стран Европы – с Запада и с Востока – малые, мельчайшие и великие, молодые и старые, консерваторы, либералы, коммунисты, социалисты; они стояли, построившись в длинную очередь, которая тянулась вдоль галереи, и подходили, чтобы поцеловать руку Анны Ахматовой. Я присоединился к ним. Она сидела, протягивала руку, каждый подходил, кланялся, встречал милостивый кивок и многие –

видел – отходили, ярко раскрасневшись; каждый совершал эту церемонию в манере своей страны: итальянцы – обаятельно, испанцы – величественно, болгары – набожно, англичане – спокойно, и только русские знали ту манеру, которую ожидала Ахматова. Они стояли перед своей царицей, они преклоняли колена и целовали землю. Нет, этого, разумеется, они не совершали, но выглядело это именно так, или могло быть так. Целуя руку Анны Ахматовой, они словно целовали землю России, традицию своей истории и величие своей литературы. (...) она – олицетворение целого периода русской истории от Николая II через Керенского, Ленина, Сталина, Хрущёва до Брежнева и Косыгина, – всё ещё непреклонная, всё ещё величественная, часть самой России среди сицилийских мандариновых деревьев. (...) но сперва я хочу описать вечер, который наступил после этого дневного приёма. Нам объявили, что Анна Ахматова будет читать стихи. Мы собрались вечером в одном из залов просторного монастыря – двести человек, большинство в праздничных костюмах, как на премьеру. (...) мы ждали Анну Ахматову. Когда она вошла, наконец, в зал, все вскочили с мест, образовался проход, и она шла сквозь строй рукоплещущих, шла, не глядя по сторонам, высоко подняв голову, без улыбки, не выражая ни удовлетворения, ни радости, и заняла своё место в президиуме. После пышной итальянской речи наступило великое мгновение.

Она читала по-русски голосом, который напоминал о далёкой грозе, причём нельзя было понять, удаляется ли эта гроза, или только ещё приближается. Её тёмный, рокошующий голос не допускал высоких нот. Первое стихотворение было короткое, очень короткое. Едва она кончила, поднялась буря оваций, хотя, не считая нескольких русских, никто не понимал ни слова. Она прочла второе стихотворение, которое было длиннее на несколько строк, и закрыла книгу. Не прошло и десяти минут, как её чтение – акт милости, оказанной всем, – окончилось. (...) взволнованно рукоплескали все; аплодисменты не умолкали долго.

После этого присутствовавших поэтов попросили прочесть стихи, посвящённые Анне Ахматовой. Один поэт за другим подходил к её стулу и читал своё стихотворение, обращаясь к ней и к публике, и каждый раз она поднимала голову, смотрела налево, вверх или назад – туда, где стоял читавший, – и благодарила его любезным кивком каждый раз, будь то английские, исландские, ирландские, болгарские или румынские стихи. Всё происходившее напоминало – пусть простят мне это сравнение – новогодний

приём при дворе монархини. Царица поэзии принимала поклонение дипломатического корпуса мировой литературы, причём от выступавших здесь дипломатов не требовалось вручения верительных грамот. Потом кто-то сказал, что Анна Ахматова устала, и вот она уже уходит – высокая женщина, на голову выше всех поэтов среднего роста, женщина, подобная статуе, о которую разбивалась волна времён с 1889 года и до наших дней. Видя, как величественно она шествует, я внезапно понял, почему в России время от времени правили не цари, а царицы.

(...) Я увидел Анну Ахматову ещё раз. Это было в палатце Урсино в Катанье, во дворце, построенном Фридрихом Вторым. Там вручали ей премию Таормина.

Она сидела на эстраде, окружённая президентами и полупрезидентами, итальянскими писателями и сицилийскими саванниками. Современницу Максима Горького и Антона Чехова освещали прожекторы телевизионных операторов. Но в этот раз пришлось ожидать не только нам, но и ей, так как опаздывал итальянский министр культуры. Она ожидала величественно и терпеливо. С самолётом, который не может стартовать из-за тумана, ничего не в силах поделать даже сама Анна Ахматова, а значит, она не может позволить себе проявлять нетерпение. В этот раз она отвечала на речь министра культуры. Она коротко поблагодарила, и в речи её не было ни единой лишней фразы, ни единого лишнего слова. Царица благодарил своих подданных. И снова я увидел множество склонённых спин».

Иногда мне кажется, что Анна Ахматова незримо присутствует в последней книге Булгакова. Открываю роман «Мастер и Маргарита», 23-ю главу, «Великий бал у Сатаны» и перечитываю её внимательно – поразительное сходство с Сицилийским приёмом – Маргарита в роли королевы бала удивительно похожа на Анну Ахматову, принимающую поклонение коллег – поэтов. То же царственное величие, тот же шарм, та же доброта и внимание к каждому гостю....

Анна Ахматова и Михаил Булгаков. Они даже в алфавите стоят рядом – А и Б... А и Б сидели на трубе... Литературоведы шутят: «Не на трубе они сидели, а на губе – на всесоюзной гауптвахте – вроде и не тюрьма, но и не свобода». Булгакова не печатали с 1927 по 1940 год – до конца его жизни, и после смерти ещё несколько десятилетий. Ахматову – с 1925 по 1940-й. У Булгакова при жизни вышло три книги «Дьяволиада», сборник рассказов в серии: «Юмористическая иллюстрированная библиотека

журнала «Смехач»». Последний сборник рассказов «Трактат о жилище» напечатан издательством ЗИФ в 1925 году. У Ахматовой при жизни Михаила Булгакова вышли книги «Вечер», «Чётки», «Подорожник», «Anno Domini. МСМХХI». С 1924 года на её стихи наложен негласный запрет. Поэтому и читателей их можно было сосчитать по пальцам, скорее даже не читателей, а слушателей – Булгаков своих рукописей из дома не выпускал, а Ахматова вообще свои сочинения не записывала, и лишь доверяла особо надёжным друзьям запоминать и хранить в уме её стихотворения и целые поэмы...

Сгнули их гонители, и имён-то их уже практически никто не помнит, а если иногда и поминают – то лихом. А опальные в прошлом Мастера – Анна Ахматова и Михаил Булгаков издаются теперь огромными тиражами, переведены на десятки языков и давно уже зачислены в классики отечественной и мировой литературы.

«Бессмертие... пришло бессмертие ...» – это ведь и о них сказано в романе Мастера. Бессмертие и земное, и небесное – 21 октября 1982 года была открыта малая планета (астероид) № 3469 и присвоено ей имя – Булгаков. А другая планета, открытая в той же Крымской обсерватории, носит имя Ахматовой. И, как Воланд летел со своей свитой, так и они летят в просторах Вселенной, только в их свите две тысячи астероидов, и среди них – Пастернак, Цветаева, Платонов, Бабель, Ильф и Петров, Раневская, Свиридов, Утёсов и много наших других, когда-то утесняемых, а из «дальнего зарубежья» тоже славные планетки – Рабле, Вольтер, Гойя, Пиаф, Чаплин, Сирано и даже Иоганн Штраус, который дирижировал оркестром на балу у Сатаны в московской безразмерной квартире...

Летом 2008 года администрация московского киноклуба «Эльдар» отменила десятичасовой вечерний сеанс: встреча с актёром Михаилом Козаковым затянулась, зрители не хотели отпускать его со сцены. И, может быть, благодаря этому случаю, я впервые узнал о судьбе стихотворения Анны Ахматовой «Памяти М. Булгакова». Михаил Козаков был знаком с Еленой Сергеевной, а мама его просто дружила с ней. Ей и рассказала Елена Сергеевна о встрече с Ахматовой вскоре после смерти Булгакова, как Анна Андреевна пришла к Булгаковой (та была в Москве), вызвала её на лестничную клетку и прочла ей на ухо: «Вот это я тебе, взамен могильных роз...».

Ставрополь 20 ноября 2018 г.